

Багдасарян: Образ будущего заложен в генезисе цивилизации

8 июня

Оглавление:

- [Что такое будущее](#)
- [Выбор между добром и злом](#)
- [Комфорт или «обожение»](#)

Аналитический центр ТАСС продолжает серию интервью на тему «Какой мы хотим видеть Россию будущего?» с целью сформулировать основные параметры общественно-политического устройства, способного максимально раскрыть потенциал российской цивилизации и привести Россию к возрождению и расцвету. Доктор исторических наук, профессор кафедры государственной политики МГУ им. Ломоносова Вардан Багдасарян представляет своё видение будущего на основе цивилизационного подхода.

Что такое будущее

Вардан Эрнестович, прежде чем начать разговор об образе будущего для России, давайте определим, что такое в принципе будущее? Различается ли его понимание у разных цивилизаций или оно универсально?

- Цивилизационный подход предполагает переосмысление всех категорий. Например, понятие «человек» не универсально, а цивилизационно различно. На Западе человека, в целом, понимают, как индивида. В восточной традиции, например, в китайской, человек понимается через социальную роль, которую он играет. **В русской традиции понимание человека двойное – с одной стороны, религиозное, как образ подобия Божия, идеальная развёртка, с другой стороны, человек как социальное существо. Не путать с социальным животным по Аристотелю.**

В понятие «государство» каждая цивилизация также вкладывает нечто своё. На Западе сейчас государство – это «стейт» (state), некий институт, статус. Это определение пошло от Макиавелли, оно работало на разрыв прежнего

понимания государства как царства, империи, оно освобождало от династии, ценностей. В русской традиции под государством понимается совершенно другое: государство в России – это не «стейт», управление государством – это не менеджмент, философия которого определяется понятием «капитализм». На Востоке понимание государства тоже иное, своё.

Значит, и будущее воспринимается на Западе, Востоке и в России по-разному?

- Различия в понимании будущего расходятся цивилизационно еще более существенно. Западный подход к будущему имеет свою длительную ретроспективу. Он уходит к двум философским линиям – Демокрита и Эпикура. Линия Демокрита исходит из того, что существует некая железная необходимость, предопределение. Демокрит, как и Эпикур, были атомистами, но по Демокриту движение атомов только кажется свободным, на самом деле за ним стоит предопределение. У Эпикура идея прямо противоположная: предопределенности нет, существует полная свобода.

Обе эти линии сосуществуют и по сей день определяют западную мысль. С одной стороны, от атомистской линии Демокрита перешли к идее божественного предопределения Августина, а потом к протестантизму, где всё предопределено вплоть до того, что кто является праведником и спасётся, а кто является грешником и погибнет. Затем место божественного предопределения в западной мысли занял закон: всё определяют законы, главное – понять, в чём они заключаются.

Далее, уже в наше время, на место законов пришли тренды. Вся западная футурология основана на трендах. Тренд – это синоним фактического будущего: надо просчитать тренд, выстроить некие линии и тогда увидим, что будет завтра. Такая установка исходит из линейного понимания времени и традиции мысли, идущей от Демокрита. А с другой стороны – второе понимание будущего на Западе исходит от Эпикура. Согласно ему, будущее – это хаос. В основании этой модели мира лежит идея неопределённости будущего (agile, от англ. «гибкий»). Мир есть неопределённость, полная свобода.

На Востоке существует циклическое восприятие времени. И в китайской, и в индийской философской мысли – это идея вечного возвращения. Вперёд в будущее – это назад в прошлое. В исламской традиции, как и отчасти иудейской, будущее – это то, что было определено пророками, подтверждение того, что сказали пророки. Как видите, **это не тренд, совсем другая структура времени.**

Наконец, в русской традиции будущее – это развилка, дихотомия. Такое восприятие базируется на глубоко православном понимании свободы воли как свободы выбора между добром и злом. Бог дал возможность человеку главного выбора. Он не predetermined избранных и отверженных, Он дал возможность человеку выбора между добром и злом.

Если будущее – это развилка, то заданных трендов не существует. Мы всегда перед выбором: можно двигаться в одну сторону, а можно – в другую. Как витьязь на распутье. **При этом будущее не наступает само по себе, за будущее надо бороться.**

Получается, что в понимании будущего русская цивилизация свободнее западной. При этом Запад любит учить нас свободе.

- Всё зависит, опять же, от понимания термина «свобода». У нас свобода – это не «liberty», понимаемая, как возможность сбросить с себя некие обременители при всеобщей predeterminedности. У нас подлинная, глубинная свобода.

Выбор между добром и злом

Таким образом, проблематика образа будущего – это прежде всего определение и выбор между добром и злом?

- Да, в русской традиции он принципиально важен, он фундаментален. Если есть понимание, где сторона добра, а где сторона зла, то будущее – это выбор в пользу добра. Поэтому принципиальная важность для образования, воспитания – именно определить, что есть добро и что есть зло.

//Да, мы тоже пришли к этому выводу: [2012-06-05](#)
[«Пара видов нравственности: Добра и зла. Восстановление](#)
[ц...//](#)

В западном подходе с трендами добро и зло выхолощены, там этический момент отбрасывается. Либо ты находишься в тренде, либо ты выпадаешь из него, а где доброе и злое, неважно. Поэтому когда нам предлагают в вопросе будущего ориентироваться на западную футурологию, то мы попадаем в ловушку иноцивилизационного проектирования времени, как линейной predeterminedности.

Предлагаю исходить из русской традиции. Раз для нас выбор будущего – это выбор между добром и злом, то как нам выстроить положительный созидательный образ будущего?

- Всё начинается с вопроса о ценностях. «Добро» – это аккумулированное обозначение ценностей. 809-й указ является попыткой такого обозначения. При этом очень важно сказать, что ценностям противоположны антиценности.

Без определения антиценностей ценности не будут поняты должным образом. Если есть герои, то есть и антигерои.

К примеру, если мы считаем ценностью патриотизм, то мы должны определить и то, что ему противоположно, то есть космополитизм. Но если это не сформулировано, то получается, что можно быть патриотом и одновременно пытаться войти в «международное сообщество». Однако так не бывает. Таким образом, определение зла тоже имеет принципиальное значение. В русской традиции зло понимается как антидобро, это идёт от антиохийской школы.

//Интервидийное айкидо: Результаты интервидения одной картинкой:

Евровидение

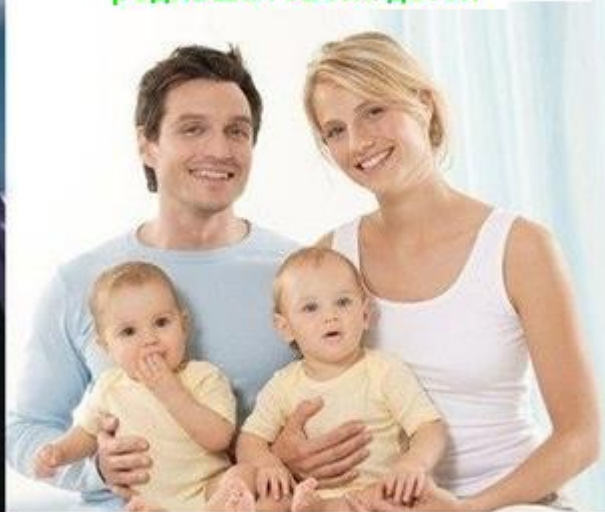
Интервидение

Это - выбор Запада

Это - РОДовые традиции Руси

Любящая, Ладная Пара:
Мужчина и Женщина,
родившая своих детей

Можно придумать сколько угодно "сексуальных ориентаций",
но лишь только любовь мужчины и женщины рождает новую жизнь.

Полная версия песни "Священная война". В.Лебедев-Кумач. А.Александров

*«...Как два различных полюса
Во всём враждебны мы,
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы...».
В. Лебедев-Кумач*

//

Давайте назовём эти, скажем так, добрые ценности, идеалы и ориентиры для построения будущего. Вы упомянули 809-й указ – там, по-вашему, собран весь их перечень?

- Из принципиально важного, чего не хватает в списке ценностей, - это понятие «правда», которое имеет в русской цивилизационной традиции

принципиальное значение. Также не хватает понятия «любовь», без которого нельзя представить русское мировоззрение.

Но указ – это не закон Божий, указы меняются, уточняются. Однако, чрезвычайно важен сам вектор, который задан им.

На государственном уровне сказано: у нас есть ценности, причём, во-первых, традиционные российские, во-вторых, духовно-нравственные.

Первоначально этот перечень появился в Стратегии национальной безопасности РФ 2021 года, то есть до начала СВО. В ней помимо традиционных ценностей были упомянуты антиценности, они там определены через понятие «деструктивная идеология». Принципиально важно выстроить дихотомический ряд ценностей-антиценностей. А пока что они не упорядочены в этой логике. И в целом похоже на то, что в указе традиционные ценности вписаны в либеральную логику прав и свобод человека. Это связано с тем, что они появились в той ситуации, когда еще не был пройден Рубикон 2022-го.

Комфорт или «обожение»

Но мы перешли Рубикон вот уже как четыре года назад... Нам сейчас понятен образ будущего или он ещё должен выкристаллизироваться?

- Образ будущего России понятен с самого генезиса цивилизации. Цивилизационный подход закладывает его исходно.

Исходное для Русского мира – это приближение к Царству Небесному, как к идеалу. В философии исихазма, которая, безусловно, повлияла на русскую мысль, это выразилось понятие «обожение».

Это приближение к тому, что недостижимо, но важен вектор. В советской традиции, казалось бы, атеистической, по большому счёту была та же самая идея приближения к человеку идеальному, к некой проекции идеального общественного устройства. В этом отношении эсхатология коммунизма в советской его версии восходила к исходной цивилизационной матрице.

Вообще, проекции будущего можно разделить условно на два направления. В первом будущее – это прогресс в направлении движения к комфорту человека. Задача – снять с человека некие обременители, чтобы ему было комфортно жить. Отсюда развитие техники, максимальное продление жизни, то есть материальная перспектива человека.

Второе направление, наоборот, заключается в преодолении человека, в выходе из этого состояния комфорта, в духовном восхождении. И это требует большого труда, это совсем не про комфорт. Принципиально важно развести эти два понимания будущего. То, что предлагается в мировой футурологической проекции – это про первый путь, который призван освободить человека от обременителей, в итоге, называя вещи своими именами, развратить человека. Безусловно, эта перспектива будущего достигла успеха.

Думаю, многие захотят спросить, а нельзя ли совместить земной комфорт и духовное восхождение? Возможно ли совмещение материалистического и идеалистического в одном образе будущего?

- Попытка такого совмещения имела место в Советском Союзе. Советская модель вышла из материализма, но в основе она была все-таки о духовно-центричной личности и восхождении человека к идеалу. На практике вопросы материального развития были в значительной степени связаны с задачами обеспечения обороны страны. Формирование нового человека во враждебном окружении невозможно без соответствующего материального уровня.

Правда, важно было поддержание правильной иерархии, установление того, что главное, что второстепенное. В хрущевские годы такое понимание было перевернуто, главным провозгласили удовлетворение материальных потребностей граждан. Догнать и перегнать США стало самоцелью...

Сейчас перед нами стоит похожий вызов. С одной стороны, мы находимся практически в окружении врагов, с другой – нам надо выйти на образ будущего как идеал.

- Значит, опять нужна система иерархии. Полностью изгнать материальную составляющую бытия неправильно и невозможно. Да и с православной точки зрения это была бы ересь.

Важно правильно расставить приоритеты – что выше, а что ниже. В том же 809-м указе заложена очень важная ценность – приоритет духовного над материальным.

// В РСЗ у нас первый принцип – Постоянного Совершенствования, в первую очередь, Духа и Души //

Любое традиционное общество вертикально, предполагает некую вертикаль. Это не означает неравенство, это означает, что есть некие

ценностные приоритеты. К примеру, что идеальное выше материального. Потому что если материальное выше идеального, всё общество сыпется. Другие приоритеты традиционного общества – воин выше торговца, учёный выше профана, учитель выше ученика, а не наоборот. В таком обществе старший выше младшего, а не наоборот. И получается определённая вертикаль.

//[Это о законе Порядка, правильных шкалах](#)//

Потом возникла иллюзия, что нет никакой вертикали, все равны: учитель равен ученику, старший равен младшему. Вместо вертикального общества возникает горизонтальное. Но в «горизонтали» оно не задержалось, и дальше возникает перевёрнутое общество, когда то, что находилось внизу, становится вверху, а то, что было вверху, вообще выбрасывается, как некая помеха. Необходимо восстановление в обществе ценностной вертикали.

Воспитание – фундамент будущего

Чтобы это сделать, необходимо соответствующее образование и воспитание людей. Каким должна быть система образования для того, чтобы построить будущую Россию в традиционном идеале?

- Образование и воспитание – это механизмы цивилизационного воспроизводства, потому что через них передаются из поколения к поколению ценности, опыт, идеалы. Если эта связь нарушается, общество гибнет, каким бы богатым и технически развитым оно ни было. И наоборот, если все институты повреждены, но остаётся система образования как трансляции ценностей, то общество обязательно воспроизведётся. Как говорится, то, что забывают сыновья, вспоминают внуки.

Каждая цивилизация выработала свою модель образования в соответствии с своей ценностной матрицей, принципами жизнеустройства. Первым сформулировал это наш знаменитый педагог Константин Дмитриевич Ушинский, который проиллюстрировал различие культурно-исторических типов на примере образования.

Внутри самой западной цивилизации существует несколько национальных вариантов. **Французская система образования**, которая в итоге победила, заключается в том, чтобы **исходить из потребностей ребёнка**, то есть дать обучающемуся ребёнку то, что он хочет. Это воплощенный в образовании индивидуализм. Русский антрополог Пётр Лесгафт, критикуя французскую

систему, говорил, что сегодня ребенок хочет конфету, завтра он захочет конфету с ромом, послезавтра – ром с конфетой, а потом – только ром.

Английская система образования – это система философа Дж. Локка, главный принцип её заключается в **изоляции человека от социальной среды**. Согласно ей, человек – это Tabula rasa («чистая доска»), на которой можно писать любые письма, если не мешает социальная среда. Отсюда модель загородных пансионов для обучающихся.

Немецкая система – её сейчас уже нет, но она сыграла свою роль – **основана на очень жёсткой дисциплине**, с помощью которой ломают мышление обучающего, чтобы потом лепить из обучающегося нужного человека. Хотите выдрессировать собаку, рассуждали немецкие педагоги, научите её ходить задом.

Американская система образования, основоположником которой считается Дж. Дьюи, **подразумевает последовательные проектные методы**. Обучение только тем знаниям, которые полезны для конкретных проектов, а всё остальное отбрасывается. Отсюда удивительные провалы в знаниях американских граждан и президентов. Это плод американской системы образования, их так обучают.

В чём же особенность русской системы образования?

- Русское образование – это, во-первых, фундаментальная подготовка обучающегося. В начале, как базис, даётся широкая мировоззренческая подготовка, затем уже специализация. Во-вторых, в нашей традиции учитель ведёт ученика к идеалу. В-третьих, это школа коллективного или соборного воспитания, это воспитательная школа. Она укоренена в российской цивилизационной традиции – сначала в дореволюционной, потом в советской.

Повторю, система образования задаёт тот образ человека, который присущ данной цивилизации, и в этом смысле она формирует будущее через понимание должного в нашем мировоззрении.

Как вы считаете, насколько сейчас мы близки к нашей традиционной системе образования? И что нужно сделать, чтобы к ней приблизиться?

- Мы далеки от неё. На мой взгляд, мы остановились где-то в одном шагу от цивилизационной гибели. Впрочем, в истории России это не впервые. Все предыдущие годы мы катились к этой бездне, но в какой-то момент перед ней остановились.

Понятно, что нынешнее состояние общества, скажем мягко, не соответствует периодам вершин истории российской цивилизации. Скорее, перед нами задача – выйти из этой угрожающей ситуации.

А это возможно только возвращаясь к себе. Что такое цивилизационный кризис? Это отступление от самих себя.

В образовании вернуться к самим себе – это как? Вы предлагаете вернуть какую-то конкретную модель образования прошлого или что-то другое?

- Повторить не получится ничего, дважды в одну реку войти нельзя. Но надо понимать, что системы образования и в царской России, и в советской были модификациями на основе одного фундамента. Поэтому России нужна новая модификация образования с сохранением и восстановлением ее цивилизационного фундамента.

Наиболее функциональной образовательной системой, с моей точки зрения, была та, которая сложилась к концу 1930-х годов, когда взяли одновременно советскую идею развития и классическую русскую педагогику, к которой вернулись после экспериментов 1920-х годов.

Существует мало цитируемое высказывание Сталина, когда он в 1938 года критиковал Н. Хрущева, что тот неправильно учит партийные кадры пренебрежительному отношению к интеллигенции: «...надо не только ценить свою интеллигенцию, но весь рабочий класс, всё крестьянство сделать интеллигенцией». То есть классическую дворянскую культуру дать всему народу. Что, замечу, очень по-христиански...

Во многом это удалось сделать. В школе ввели психологию, логику, раздельное обучение мальчиков и девочек. Благодаря той системе образования наш народ смог одержать победу в Великой Отечественной войне и достичь других высот. Известно высказывание американского президента Дж. Кеннеди, о том, что Советский Союз выиграл космическую гонку за школьной партой.

В 1950-е годы при Хрущеве на волне десталинизации стали отказываться от довоенной системы образования, но всё равно советская школа оставалась достаточно функциональной до конца своего существования. Однако оптимальный уровень качества образования с учётом фундаментальных ценностей, повторяюсь, сложился к концу 1930-го годов.

Культура определяет парадигму развития

От образования предлагаю перейти к культуре. Какая должна быть культурная политика, искусство в идеальном русском обществе?

- Прежде всего, важно определиться с понятием «культура». Часто культуру воспринимают как отрасль, подразумевая хоровое пение, библиотеки, музеи и т.д. Каждая из этих сфер важна, но необходимо интегрированное понимание. Правильно рассматривать культуру как задачу формирования человека в широком смысле, именно она является отправной точкой для развития общества.

А в наших учебниках всегда сначала говорят об экономике, затем о социальном устройстве, политике, а культуру упоминают где-то в конце – как наименее значимое. Но это неверно. Наоборот, от культуры производны экономические и социальные модели, политические системы.

Культура задаёт ценностную парадигму, из которой вытекают конкретные решения в разных сферах. Исходя из разных парадигм, принимаются разные рецепты, возможны различные действия.

Вопрос о том, какую культуру мы формируем, принципиально важен. Не случайно при обсуждении Основ государственной культурной политики, произошла жёсткая схватка, ещё до 809-го Указа. В том документе впервые подчёркивалось, что России не нужна космополитическая, потребительская, деструктивная культура с чуждыми ценностями, что России нужна цивилизационно идентичная культура, которая развивает духовный потенциал человека. Эта позиция вызвала бурную реакцию у определённого сообщества, многие представители которого впоследствии покинули Россию после начала СВО.

Видимо, они-то как раз хорошо понимали важность культуры в формировании будущего... Но как именно это работает?

- Антропологи, социологи и этнографы отмечают, что человеческое общество началось с первого табу – запрета, задавшего систему норм. Но сегодня в обществе постмодерна используют обратные механизмы воздействия на сознание: нажимаются определённые «кнопки» и те запускают поведенческие реакции, приводящие к расчеловечиванию человека. Культура же формирует долгосрочные установки – учит, какие «кнопки» нажимать нельзя, это табу.

В советское время перед культурой, искусством ставилась задача сделать всех граждан интеллигентными, то есть распространить высокую культуру на весь народ.

Это перекликается с христианской традицией, где нет иерархии между людьми («нет ни Эллина, ни Иудея, ни Скифа... ни раба, ни свободного, но всё и во всем Христос»). Вместо идеи антропологической иерархии – доступность высокой культуры всем и духовное развитие каждого человека. Обожение каждого как утопический, но задающий вектор проект.

Советская эпоха продемонстрировала действенность такого подхода: страна стала самой читающей, активно развивалось изобретательство, обсуждались глубокие вопросы, происходило интеллектуальное и духовное развитие, а не просто передача знаний.

Сегодня мы сталкиваемся с иными установками. Сошлюсь на пример из рассказа одного священника: российский экскурсовод, работавшая с богатой парой из стран Запада, инвесторами в сфере современного искусства, спросила о цели их вложений, ответ был таким: «Наша цель – как можно больше людей ввести в грех». Этот случай показывает: вопрос культуры оказывается индикатором более глубоких процессов, чем понимание отраслевое. Культура в сути своей является полем столкновения добра и зла, соответственно, она может быть направлена в разные стороны.

Это возвращает нас к борьбе добра и зла. В русском искусстве это всегда было главной темой, одним из вечных вопросов, не так ли?

- Сейчас часто поднимается тема культурных кодов – некой матрицы, лежащей в основе литературы, кинематографа, театра. В них в зависимости от цивилизационной принадлежности существуют разные феномены и герои.

Возьмём кинематограф. Сейчас снимается много российских фильмов о Великой Отечественной войне, что хорошо. Но чувствуется, что они сняты по голливудским шаблонам: герой-супермен, который действует вне системы, сам по себе. Это феномен восходит к языческой героике, где важен триумф человека как сверхчеловека. В русской традиции акцент совершенно иной — на самопожертвовании «за други своя». Герой не сверхчеловек, он действует вместе со всеми, в коллективе, и зачастую жертвует собой. Сравните образы Ильи Муромца и Геракла – это же семантически различные типы героя.

Посмотрим на театральное искусство. Восточный театр – ритуальный, где главное – правильность действий, а не сюжет. Западный театр строится вокруг сюжетной линии и действия как центра повествования. Русский театр сосредоточен вокруг души, что отражается в творчестве Достоевского, Гоголя, не имеющих прямых западных аналогов.

Вывод: культура – не дополнение к экономике или политике, а их фундамент. Именно культура в широком смысле задаёт ценностные ориентиры, формирует личность и определяет траекторию развития общества.

Сохранение культурной матрицы и национальных кодов критически важно: народ может реализовать свой потенциал, только оставаясь собой, поскольку, «все другие места уже заняты», как говорил классик.

Русская политическая система

Предлагаю перейти к политическому устройству. Какую модель государственного управления можно считать образцовой для будущего с точки русской традиции?

- Цивилизации вырабатывают наиболее эффективные механизмы выживания, соответствующие их особенностям. На Западе вся политическая мысль шла по принципу разделения (властей, сфер влияния, партий). Восходит он к концепции «двух мечей» Августина: есть меч государственный и меч церкви. Потом эта идея развивается через разделение на власть императора и власть папы римского.

Западный феодализм лежит в этой же парадигме разделения: формула «вассал моего вассала – не мой вассал» типично западная, на Руси её бы просто не поняли. В секулярную эпоху появляется концепция разделения властей, возникает логика партийной политической системы. Опираясь на макиавеллиевский подход, Запад воспринимает государство как институт, где каждый контролирует каждого. Цивилизационно Запад тяготеет не к синтезу, а к анализу, дроблению целого на части.

//НС: это особенность европейского мировоззрения//

А в России всегда тяготение было к общности и целостности. Русская цивилизация – холистическая, что воплощается в концепции симфонии властей (не разделение, а согласованное взаимодействие).

Наглядный пример – княжеское право Древней Руси, когда власть передавалась не строго от отца к сыну, как в Европе, а внутри всего княжеского рода от брата к брату.

Даже крепостное право – это не западный феодализм, главная его идея была в том, что каждый несёт своё тягло, то есть долю общей ответственности, а не владение феодем и вассально-ленные отношения сеньор-вассал, как при феодализме на Западе. Отдельные русские правители XVIII века, например, Екатерина II, не до конца понимали эту традицию и пытались привести иные подходы, но суть оставалась прежней.

Наконец, *важнейшим вкладом России в мировую политологию стала идея советов. Не просто критика парламентской демократии, за ширмой которой зачастую скрываются олигархи, дёргающие за ниточки, а советы как особая форма народовластия.*

Она соотносилась с традицией общины, а её исторические корни можно увидеть ещё в Совете всей земли 1611 года в Ярославле. Позже большевики, по сути, возродили этот механизм из глубин народной памяти.

Скажу крамольную вещь: наша партийно-политическая система возникла как попытка нашего вхождения в западный мир по логике: «там есть партии, значит, и нам нужно так же». Но в итоге у нас получилось копирование внешней формы как декорации при другом содержании. На практике это вылилось в имитацию западных институтов.

Это подталкивает к выводу, что России нужна собственная форма политического устройства.

- У России холистическая модель государственности (подход, который рассматривает систему как целостную структуру). При цивилизационном подходе, повторяюсь, очевидно, что для построения современной государственности нужно опираться на собственные традиции и сильные стороны, а не заимствовать модели из других цивилизаций, тем более что и там сегодня они переживают существенный кризис.

Одна из современных классификаций ценностей выделяет два измерения: вертикаль-горизонталь (степень централизации власти) и коллективизм-индивидуализм (приоритет общих или личных интересов). Согласно ей, **Россию характеризуют как «вертикальный коллективизм»**: с одной стороны, это не индивидуалистическая модель, с другой — не чисто горизонтальная, поскольку государственное начало (вертикаль) исторически играет принципиальную роль.

Россия – это в горизонтальном измерении идея коллективизма в виде общинности, взаимопомощи, приоритете общих целей, и одновременно государственное начало в виде вертикали власти.

Такое сочетание исторически воспроизводится в России и отражает её цивилизационную специфику. Идея Советов как раз воплощает принцип народовластия: она предполагает не партийное представительство, а низовое строительство власти, восходящее снизу вверх.

//НС: полностью согласны, в этом состоит суть общественного Правления с т.з. пушкинской [Русская РОДовая Кольцевая Наука](#) //

Труд и община в центре экономики

А в экономике какая модель могла бы быть оптимальной в русле русской традиции?

- Важно зафиксировать, что в основании экономики лежат не деньги и не финансовые институты, а труд. Это принципиальный момент в русском понимании хозяйствования, в нашей философии экономики.

Второе основание – это община. Феномен русской общины уникален, потому что везде община была как община кровнородственная. В Европе изначально она тоже была кровнородственной, но потом трансформировалась в сеньориальную общину, из которой затем выработалось частное право. На Востоке община и по сей день существует в виде кланов, то есть опять же родственные отношения. В Византии община была в качестве административной структуры.

А в России это прежде всего трудовая община: тот, кто работает, тот член этой общины.

//Лев Клыков даёт важное уточнение общины – те, кто на одном уровне гармонии, это научное описание «близости по духу» членов общины. [2017-02-12 Клыков Л.В. через НовостиСвета "Свобода жизни вечной - как этого достичь"//](#)

Это очень много даёт для понимания русского общественного устройства. Отсюда проистекает и коллективная форма хозяйствования, и ценность солидарности, и отсутствие традиции нацизма, который выходит из кровнородственной организации. Измерение трудового права связано с коллективным миропониманием, которое было сопряжено с трудом. Все прорывы российской цивилизации вышли из этого, вокруг этого всё

строилось. Советская модель хозяйствования, несмотря на то что опиралась на другую философскую базу, по большому счёту, воплотила идеи коллективного хозяйствования на новой фазе развития.

В 1990-е годы многие смеялись над системой планирования и Госпланом, но сегодня приходят к пониманию, что это была уникальная система с большими потенциалами. Попробуйте сейчас создать подобную систему расчётов — например, в сфере образования определить, сколько нужно представителей тех или иных специальностей, а советская система смогла это сделать и без нынешних технических возможностей.

Значит, представление о некоей универсальной для всех народов экономической модели несостоятельно.

- Безусловно, существуют разные экономические модели. Взгляд на экономику базируется на цивилизационной базе и произведен от доминантных ценностей. Одна из них — либеральная (неолиберальная) модель, основанная на идее дерегуляции. Возьмём, к примеру, Адама Смита. Он преподавал четырёхгодичный курс в Глазго, и в традициях того времени обучение начиналось с теологии, затем следовало учение о нравственности, и только на четвёртом году Смит переходил к политической экономии.

Адам Смит был пантеистом (идея растворённости Бога в природе). Соответственно, «невидимая рука рынка» — это по сути «невидимая рука Божья»: согласно этой философии, Бог изначально своим присутствием упорядочил природу, и человек со своим ограниченным разумом не способен организовать бытие лучше, чем оно задумано свыше. Именно на этих религиозно специфических представлениях строилась дерегулятивная модель экономики.

Противоположная ей — регулятивная модель влияния на экономику, ассоциируемая с идеями Дж. Кейнса. В периоды кризисов к ней нередко обращаются, у этой модели тоже есть своя философская перспектива. Кейнс уделял большое внимание вопросам культуры и глубоко изучал наследие Исаака Ньютона, в том числе его религиозные воззрения. Как известно, Ньютон был в значительной степени религиозным мыслителем, его физические концепции выступали лишь частью более широкой религиозной системы взглядов. Это мировоззрение, в свою очередь, оказало определённое влияние на развитие экономических идей.

Существует и третья модель – не просто влияние на экономику, а целенаправленное создание всей экономической системы. В её основе лежит

идея, что экономику формируют человек и государство, она не существует сама по себе. Такая экономика производна от государства и подчинена определённым ценностным ориентирам и высшим философско-управленческим задачам.

Эта традиция была реализована в советское время, но её корни уходят гораздо глубже, в принципиально иную систему миропонимания.

Речь идёт об особой философии хозяйствования. К примеру, западный мыслитель М. Вебер утверждал, что у любой социально-экономической системы есть своя мировоззренческая доктрина – в частности, в основе капитализма Запада лежит протестантская этика. В российской традиции эту мысль развивал Сергей Булгаков, который утверждал, что именно философия определяет характер экономики, а не экономика – философию.

Предлагаю зафиксировать: русская философия хозяйствования основана на следующих принципах – труд, общинность, солидарность и подчинение экономике государственным интересам.

//а в основе всего в общине - настоящая Любовь к ближнему как к самому себе//

- Ещё один важный принцип – мобилизационный. Экономика нужна как инструмент для отражения внешних вызовов и угроз, а не как самоцель. Если на Родину наступает враг, то для противостояния ему нужно производить пушки и танки, в связи с чем экономика перестраивается под решение конкретных задач.

Таким образом, эффективность экономики в нашем традиционном понимании должна учитывать способность общества и государства быстро перестраиваться и концентрировать ресурсы для решения критически важных задач в условиях внешних вызовов.

А как быть с частным капиталом? До революции крупный капитал в частных руках в России активно развивался, в советский период его полностью запретили. Сейчас к нему, прямо скажем, двойственное отношение...

- Выскажу крамольную мысль: представление о частном капитале в России в значительной степени было иллюзией, вызванной подражанием западной модели. На Западе есть частный капитал и частные предприниматели, и у нас возникла установка: «нам тоже нужен частник». Однако на практике государство в значительной мере регулировало, что производить, как

производить, по каким ценам продавать продукцию. Тем самым формально он мог считаться частным предпринимателем, но на самом деле выступал экономическим агентом государства.

Подобная модель выстроена не только в России, но и в странах Востока: формально бизнес выглядит частным, но фактически его деятельность определяется государством. По сути, оно определяет круг доверенных лиц и агентов, которым поручает развивать ту или иную сферу экономики. Внешне они выглядят как частник, но под вывеской западного частного права развивалась иная модель.

К примеру, каким образом был форсированно наращен военно-промышленный комплекс в условиях вражеского контроля за государственными институтами, чтобы не было утечек? Как-то это ведь было сделано? Без проведения через бюджет (иначе это стало бы заблокировано) и без масштабной национализации. Как иначе? Предположу, что не через государственные институты...

Сознание определяет демографию

Вардан Эрнестович, завершить предлагаю темой пространственного обустройства. Какой тип поселений ближе к русской традиции?

- Русская цивилизация – это цивилизация первопроходцев. Немецкий философ Шпенглер недаром называл Россию "русско-сибирская цивилизация", подчёркивая, как важно было нам освоить эти пространства. Ни один народ не освоил столь большие пространства, как русский. Мы по сей день являемся самой крупной страной мира.

Для России всегда был важен императив освоения территории, первопроходчества. Из неё исходит идея комплиментарности, когда русские при расселении выстраивали отношения, систему общения с местными народами.

Что, к слову, противоположно принципу уничтожения местных народов, как было в истории США.

Но на определённом историческом этапе началось пространственное «свёртывание» русской цивилизации – от центробежного движения к центростремительному. Сначала население и ресурсы стягиваются из малых населённых пунктов в областные центры, а затем из регионов — в крупнейшие мегаполисы, прежде всего в Москву и Санкт-Петербург. В

результате страна теряет освоенность территорий: многие регионы оказываются фактически «разреженными», а хозяйственная активность на них падает.

Поразительно то, что сверхконцентрация населения в мегаполисах совпадает при этом с депопуляцией в России.

- Да, эта проблема тесно связана с демографической ситуацией: сегодня Россия занимает 9-е место в мире по численности населения, тогда как в XX веке СССР входил в первую тройку, а РСФСР занимала 4-е место. Согласно прогнозу ООН, к 2050 году Россия может опуститься на 14-е место, а к 2100 году – на 20-м месте в мире по населению. Понятно, что будучи государством с самой крупной территорией в мире, а с населением почти в третьем десятке, России удержать эти пространство будет крайне трудно.

К тому же, и тут мы возвращаемся к походу в экономике, важно понять, что это точно нельзя будет сделать при рыночной экономике. Рыночная модель при наших природных условиях и пространствах – суровые климатические условия на севере, удалённость и труднодоступность регионов, высокие затраты на инфраструктуру и логистику – нерентабельна, она по объективным причинам не даёт нужного эффекта.

Отсюда особая роль государства, которое должно создавать неэкономические мотиваторы развития, проводить целенаправленную политику по освоению территорий, создавать механизмы стимулирования заселения в стратегически важных районах.

Таким образом, решение проблемы пространственного развития требует комплексного подхода, выходящего за рамки чисто рыночных механизмов. Экономика не может быть отделена от социальной, демографической сферы.

Как вы считаете, причина демографического кризиса в России объективна или субъективна?

В дискуссиях о демографии часто ссылаются на концепцию демографического перехода (мол, во всём мире падение рождаемости), однако она искажает причинные основания происходящих процессов. Да, если рассматривать демографические тенденции с 1960-х годов, действительно наблюдается общий спад рождаемости во многих странах мира. За последние 15-20 лет лишь четыре государства не столкнулись с сокращением населения, тогда как большинство регионов демонстрируют отрицательную динамику, включая даже страны Африки. То есть

рождаемость хоть и остаётся относительно высокой в отдельных регионах, но всё равно снижается по сравнению с прошлыми показателями.

А если посмотреть на демографическую статистику ранее 1960-х годов, то увидим совсем иную картину. А почему перелом пришёлся именно на 1960-е годы? Потому что на глобальном уровне начали активно продвигать программы планирования семьи и пропаганду малодетности. Соответствующие специальные инициативы внедрялись на уровне ООН. Таким образом, это был проектируемый процесс.

Анализ развития различных цивилизаций показывает чёткую закономерность: на этапе подъёма фиксируются высокие демографические и социальные показатели, а на закате цивилизации эти показатели низкие – что отражает утрату веры в будущее и переход к более эгоцентричной модели поведения в обществе. Всё вместе является проявлением цивилизационного кризиса.

Главный вывод – проблема демографии лежит в области человеческого сознания. Нет ничего предопределённого вне человеческого сознания. Именно мировоззрение, ценности и коллективные поведенческие установки определяют и рождаемость, и демографию вообще, и в целом траекторию развития общества.

//Очень глубокие мысли. Именно поэтому мы предлагаем повышать рождаемость с перехода на глубокий исконно русский фундамент – [РСЗ](#) на основе пушкинской [РКН](#)//

И материальными стимулами демографический кризис не получится преодолеть, верно?

- Более того, материальные стимулы могут сыграть даже в минус. Мы когда-то проводили такие исследования, где рассматривали ситуацию, при которой задействуется только материальный фактор, выяснилось, что это влияет на человека в ключе установки на комфорт и потребление – и в результате демографические показатели зачастую идут не вверх, а вниз. Не всегда, но часто.

Раз залог высокой рождаемости и преодоления депопуляции – в нашем сознании, то мы тем самым возвращаемся к образу будущего. Без понимания своего цивилизационного пути нельзя решить ни одну

проблему, и тогда этот вопрос не теоретический, а сугубо практический?

- Если исходить из тезиса, что всё начинается на уровне сознания, то из этого следует важный вывод: **ничего невозможного нет**. Когда мы ориентируемся исключительно на материальные условия, то нам кажется, что возможности ограничены и тогда создаётся негативная предопределённость, за рамки которой выйти нельзя. Но если сместить фокус на уровень сознания, ничего предопределённого нет, так как сознание не имеет ограничителей.

Поэтому создание позитивного созидательного образа будущего, исходящего из цивилизационных начал и традиционных идеалов – это, по сути, вопрос нашего выживания и подлинного развития, стремления народа построить жизнь и общество так, как мы этого действительно желаем.

И будущее – это есть в этом смысле не отрицание прошлого, а его проекция в грядущее.

Беседовал обозреватель АЦ ТАСС Эдуард БИРОВ

НС: прекрасная статья, которая замечательно дополняет наши мысли по созданию образа будущего, который мы предлагаем строить Планетарную Русь на основе пушкинской системы образов, в основе которых, образы Руслана и Людмилы:

[2023-11-30 НовостиСвета "Почему «Руслан и Людмила» Пушкина – есть откровение для русского народа и народов планеты?"](#)

[2022-10-12 НовостиСвета "Планетарная Русь"](#)

[2025-07-12 НовостиСвета "Квантовая стратегия в прямом и обратном ходе времени"](#)

[2025-10-08 НовостиСвета "Квантовая дипломатия"](#)

Начинается самое страшное : Алан Мамиев: Страх смерти мешает смотреть в будущее

Алан Мамиев: Убийство духа фарисеями и чернокнижниками

«Будущее России – в русском языке, семье и вере»

21 апреля

Оглавление

- «Счастье – это когда ты уверен в будущем потомков»
- «России нужно расселение мегаполисов»
- «Если мы хотим восстановить демографию, то начинать надо с языка»
- «В образовании нужно формировать госзаказ»
- «У России большой потенциал благодаря науке и фантастике»

Аналитический центр ТАСС начинает цикл публикаций на тему образа будущего – о том, какой мы хотим видеть нашу страну в будущем и как этого достичь? Одним из первых собеседников АЦ ТАСС стал доктор социологических и кандидат психологических наук, основатель РОМИР Андрей Милёхин, который рассказал о секрете «индекса счастья», многопоколенной семье и народнении, роли языка и фантастики в построении будущего.

«Счастье – это когда ты уверен в будущем потомков»

– Андрей Владимирович, предлагаю начать с того, что такое будущее как понятие? И влияет ли на восприятие будущего цивилизационная идентичность?

– Социология и психология времени – одни из самых загадочных сфер. До сих пор нет исчерпывающего объяснения феномена времени, а значит, и того, что такое прошлое, настоящее и будущее. Существуют прямо противоположные точки зрения. Одни считают, что настоящего не существует, а есть преломление прошлого, которое сразу переходит в будущее. Другие, напротив, говорят, что нет и будущего – есть только то, что мы проживаем сейчас и переживаем как настоящее.

Мне кажется, сейчас важно не утонуть в вопросах вечности. Нам необходимы общий образ будущего, ориентир и чувство оптимизма.

– Что такое «образ будущего» в вашем понимании? Отличается ли он у разных народов или есть нечто универсальное (безопасность, справедливость и др.)?

– Вы наверняка слышали про «индекс счастья». Существует множество сложных методик его расчёта. Но, как показывает мой опыт, чем сложнее формула, тем выше риск превратить её в закрытый и манипулятивный «чёрный ящик».

У Джорджа Гэллана, выдающегося психонейрофизиолога, определение счастья было предельно простым и при этом очень точным: счастье – это уверенность в будущем тебя и твоих детей. Вот что является главным. Мне это понимание особенно близко. Человек начинает верить в непрерывность жизни, когда спокоен за своих потомков, за их судьбу и перспективы.

Когда мы измеряли «индекс счастья» (а я достаточно долго был вице-президентом ассоциации Gallup International и отвечал за евразийский макрорегион), то обнаружили важную закономерность: сначала кризис возникает в сознании людей. Появляются внутренняя неуверенность, тревога, социальная депрессия. И лишь затем происходит экономический кризис. А не наоборот, как нам всё время рассказывали.

Так, самые низкие показатели «индекса счастья» в мире начинали проявляться в 2007 году, а уже в 2008-м разразился мировой кризис. В России прослеживалась схожая логика: сначала нарастали усталость и социальная депрессия, подавленность, а затем в 2013 году наступил очередной экономический сбой.

– Да, у нас же принято считать, что бытие определяет сознание...

– Это тезис марксистско-ленинской теории, который местами подозрительно совпадает с либерально-капиталистическим подходом. Но обе модели

сегодня явно испытывают ограничения. Сначала люди перестают верить в завтрашний день, и только потом надлом проявляется в общественных процессах. Сейчас не стоит бесконечно заикливаться на интерпретации прошлого. В книге последнего начальника внешней разведки СССР Леонида Шебаршина «КГБ шутит» есть точный афоризм: «**Не стоит возвращаться в прошлое. Там уже никого нет**». Очень остроумное замечание.

Возвращаясь к образу будущего, можно спросить: почему сегодня высокий «индекс счастья» наблюдается во многих странах Южной Америки? Во многом потому, что отношение к жизни там более открытое, радостное, эмоционально устойчивое. Когда же высокие значения индекса начали смещаться в страны Африки, это вызывало скепсис. Хотя объяснение достаточно простое: там присутствовало и во многом сохраняется ощущение движения вперёд, динамики и исторической перспективы.

– К тому же там много молодёжи, средний возраст населения Африки – около 20 лет.

– Да, молодое население — важнейший фактор. Добавьте к этому и то, что многие страны Африки лишь 60–70 лет назад освободились от колониального ига. Общество почувствовало перемены, сильный социальный и эмоциональный подъём.

В то же время **самые низкие показатели «индекса счастья», когда мы проводили измерения в Gallup International, фиксировались во Франции. Там модель социального государства начала вступать в конфликт с либеральными принципами устройства, а демографические вызовы усиливались миграционной повесткой. В итоге французы стали впадать в коллективную депрессию.**

*На мой взгляд, **если говорить о счастье, то его ключевой компонент – будущее. В движении к нему человек должен видеть позитивную динамику: ощущать, что жизнь улучшается, или хотя бы верить, что улучшения достижимы в обозримой перспективе. Тогда общество бессознательно способно выдерживать трудности, сохранять терпение и веру в их преодоление.***

– А россияне каким хотят видеть своё будущее?

– **Помимо счастья существует другой важный компонент – справедливость. Человек почти всегда соотносит своё положение с положением других.** Скажем, если в Африке большинство людей живут относительно бедно и, соответственно, нет взаимного раздражения, зависти. А в России мы

сравниваем себя не с соседями, ближайшим окружением, но с максимальной планкой. Мы сопоставляем себя с ведущими державами мира – с тем, как живут в США, Германии, Великобритании. В этом проявляется особенность русского самосознания: стремление оценивать себя по высшей мерке, чтобы не хуже, чем у мирового лидера, гегемона.

Важно помнить и другое: «индекс счастья» нередко расходится с формальными макропоказателями, включая ВВП.

Почти единственным устойчивым исключением долгое время оставались страны Скандинавии, где высокий уровень благополучия сочетался с относительно высоким ощущением удовлетворённости жизнью. Хотя к этому региону принадлежат разные страны (по истории, этническому составу, политическому устройству), их объединяют два фактора: низкий уровень социального расслоения и культурная установка на умеренность. Во многом именно в этом и заключается ощущение справедливости.

– Итак, образ будущего складывается из счастья и справедливости. А какова роль религий и культурных особенностей в понимании счастливого будущего?

– Когда мы говорим об образе будущего, важно понимать: на протяжении тысячелетий его формировали мировые религии. Их можно разделить на два типа. Одни обещают человеку при праведной жизни и раскаянии спасение и райское бытие – это авраамическая традиция. Другие говорят о множественности жизненных циклов и духовном совершенствовании – это религиозно-философские учения Востока. В обоих случаях заложена модель поведения, дающая человеку надежду. Как только мы пытаемся понять, как реально устроен мир людей, мы неизбежно сталкиваемся с влиянием религиозных систем и культурных кодов.

Сегодня размываются многие наносные границы экономических блоков, политических систем, административных конструкций. И на первый план снова выходят фундаментальные основания. Во-первых, языковые сообщества как носители идентичности. Во-вторых, мировые религии. В-третьих, антропология семьи, о которой часто забывают, хотя именно она формирует устойчивую социальную структуру.

В России исторически сложился патриархальный общинно-экзогамный тип семьи. Его сформировали география, климат и многовековой опыт выживания и развития.

Отсюда и вывод: наше представление о счастье неотделимо, во-первых, от русского языка, во-вторых, от традиционных религий, веками задававших нормы морали, этики и быта, и, в-третьих, от многопоколенной семьи и прочных первичных связей внутри общества.

//с 1920 года ведущая роль от Религии перешла к Науке – поэтому вера должна быть не слепой, основанной на церковных догматах без понимания их смысла и сути, но знающей – на основе понимания законов мироздания – именно поэтому мы предлагаем [РСЗ](#) на основе [РКН](#)//

«России нужно расселение мегаполисов»

– Говоря о семье и демографии, к сожалению, приходится констатировать естественную убыль в России. Говоря прямо, мы вымираем. Что необходимо сделать, чтобы сломать эту тенденцию?

– Нам нужно не ломать, а восстанавливать то, что для страны стратегически важно. Проблемы с рождаемостью не возникли одновременно – это результат долгих социальных и мировоззренческих процессов.

Исторически Россия не сталкивалась с проблемами рождаемости. Достаточно вспомнить, что Дмитрий Менделеев родился семнадцатым ребёнком в семье директора Тобольской гимназии. По итогам первой всероссийской переписи населения 1897 года он прогнозировал, что через сто лет население страны может достичь 600 млн человек.

Высокую рождаемость можно объяснять по-разному: потребностью в трудовых ресурсах, особенностями уклада жизни, ролью семьи, отсутствием современного индивидуализма. Но факт остаётся фактом: семья долгое время оставалась естественной средой воспроизводства жизни.

Сегодня мы наблюдаем обратные процессы. Во многих странах происходит нуклеаризация семьи – упрощение её структуры семьи до родителей и детей, а нередко и вовсе до одиночного домохозяйства. Это сопровождается старением населения, снижением рождаемости и ослаблением межпоколенческих связей.

Они стали разрушаться постепенно. Сначала менялась роль религии как системы моральных ориентиров. Затем государство во многом подменило традиционные функции семьи, включая авторитет отца и внутреннюю систему ответственности. После этого сама семья стала восприниматься как всё более временная и хрупкая форма союза.

Но, пожалуй, самый сильный удар по демографии нанесла свехурбанизация. Ещё Георг Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь» описал феномен одиночества человека в мегаполисе. Выходя из среды кровно-соседских и общинных связей, человек одновременно освобождался от контроля, но лишался и поддержки.

Индустриализация и урбанизация дали ощущение личной свободы, однако нередко привели к социальной атомизации. В большом городе человек перестаёт быть частью устойчивой группы и всё чаще существует как отдельная единица в системе обмена и конкуренции. А это рождает стресс, тревогу и не способствует созданию большой семьи.

Сегодня урбанизация во многом доведена до крайности. В перенаселённых «человейниках» трудно радостно заводить детей и воспитывать их, опираясь на опыт старших поколений. Мы в РОМИР чётко прослеживаем эту закономерность: чем дальше семья от земли и чем выше этаж проживания, тем меньше детей. Строительство небоскребов нужно остановить. У нас хватает пространства в отличие от Токио и Манхэттена.

К тому же крайне важно, что чтобы семья была многопоколенная и имела горизонтальную связь. Семья – это не только мама с ребенком, это еще и папа. Причём не государство в виде «Отца народа», а реальный. Это бабушки и дедушки, внуки и племянники, братья и сестры. Поэтому вопрос демографии – это вопрос не только выплат и мер поддержки. Это вопрос среды, типа расселения, качества связей между людьми и восстановления самой культуры продолжения жизни.

– Бесспорно, свехурбанизация никак не укладывается в российский образ будущего – но что вместо неё?

– Помните, как Высшая школа экономики в своё время активно продвигала идею свехконцентрации населения в нескольких крупных агломерациях. Сегодня всё очевиднее, что такая модель несёт не только ограничения развития, но и прямые риски для качества жизни, демографии и устойчивости страны.

Что такое агломерации, мегаполисы, гиперурбанизация? Это не просто нейтральные термины – за ними стоит определённая система представлений о том, как должно быть устроено пространство. «Урбан» на латыни – это дословно городское поселение, подчиненное Риму. Мы в этой классификации не имеем никаких шансов, потому что мы для них другие.

Для России вопрос всегда шире: он связан не только с городом как таковым, а ещё с природой, климатом, расстояниями, культурой и образом жизни человека. Здесь показательно значение наших слов «деревня», «город», «столица» в собственной исторической традиции. «Столица» происходит от слова «стол» – это место встречи, обмена, центра принятия решений, где есть княжеский двор, а не просто крупнейший населённый пункт.

Если обратиться к зарубежному опыту, то мы увидим и другие модели развития. После Второй мировой войны США сделали ставку на промышленный рост, и инфраструктуру: дороги, пригородное строительство, расширение пространства жизни, и ещё на контроль постоянного миграционного насоса. Во многом именно этот подход обеспечил демографическую устойчивость и массовое создание семейного уклада в пригородах.

Для России сегодня актуальна схожая модель – не бесконечное уплотнение мегаполисов, а разумное расселение, развитие малых и средних городов, создание современной инфраструктуры вне крупнейших центров. Молодым людям нужны работа, дом, доступная среда и окружение близких.

Это вопрос уже не только демографии, но и безопасности. Жизнь в большом городе сама по себе очень уязвима, что мы видим сейчас по Украине, по арабским странам.

Почему мы российскую демографию народнением называем? Потому что нам от предков досталось огромное пространство – не только ресурсное, но и жизненное. Его необходимо осваивать, обживать и связывать, а не сжимать страну до нескольких точек на карте.

– Тем более что нынешнее развитие коммуникаций и возможность удалённой работы создают условия для децентрализации населения.

– Вы точно подмечаете. Ещё совсем недавно переезд за пределы крупных городов для многих означал резкое снижение качества жизни. Попытки горожан начать новую жизнь в селе нередко превращались в испытание: слабая инфраструктура, бытовая неустроенность, ограниченный доступ к услугам. Для многих это заканчивалось разочарованием и депрессией.

Сегодня ситуация меняется. Пандемия, как бы по-разному её ни оценивали, резко ускорила процессы, которые и без того назревали. То, к чему мы могли идти десятилетиями, произошло за несколько лет. Это касается и логистики, и дистанционного доступа к сервисам, и новых форм занятости.

Мы получили качественно иной уровень доставки товаров, удалённой работы, онлайн-образования, доступа к культурным ресурсам – библиотекам, архивам, музейным коллекциям, аудиовизуальным материалам. Всё это снижает зависимость человека от обязательного проживания в мегаполисе.

Дополнительный импульс дали и технологические изменения последних лет. Современные конфликты наглядно показали значение дронов. Войны нередко совершают технологичные революции – к примеру, появление пулеметов, танков, авиации, ракет. Но то, что произошло с дронами, это, пожалуй, революция, наоборот. Раньше развивалось всё более индустриально и масштабно, а сейчас же технологии перешли в коммуникацию, производство распыляется. Выигрывает гибкость и скорость закупки комплектующих, способность быстро перестраиваться.

Прорыв именно в качестве закупки и устойчивости связи. Неслучайно и то, что дроны массово устремились в небо. Ведь тысячелетиями шла жестокая конкуренция Суши и Моря, стоимости перемещения товара по дороге и судами. Небо даёт альтернативы, пути из плоской конкуренции выходят в трехмерное пространство. Тот, кто может быстро и массово закупать пластик, батарейки, пропеллеры – управляет перемещением в широком смысле, он правит миром.

Война всегда заканчивается, и после мы поймём, насколько поменялись технологии связи и перемещения. Совершенно не обязательно сбиваться в города, где мы начинаем вымирать, болеть, впадать в депрессию. За пределами мегаполисов могут сочетаться природа, пространство, более здоровая среда и при этом современный уровень услуг. Уже сегодня дроны используются для мониторинга территорий, в сельском и лесном хозяйстве, доставке грузов и медикаментов, поисково-спасательных и научных работах.

Пандемия и военная революционная технология дали нам огромные преимущества, которые приумножают наши ценности. Мы же не просто имеем от предков самую большую территорию, мы можем благоустроить большое объемное пространство, столб атмосферы и ближнего космоса над нашими необъятными землями.

«Если мы хотим восстановить демографию, то начинать надо с языка»

– Вернёмся к образу будущего. Когда вы начали перечислять важные факторы, то первым упомянули общий язык. В чём заключается его роль?

– Если мы хотим создать собственное будущее, то должны, как минимум, говорить о нём на русском языке – живом, точном, научном, литературном. Язык – это не просто средство общения. Это способ мышления, система смыслов и форма коллективного самоописания.

//поэтому очаг русской культуры – Пушкин, заложивший основы современного русского языка, русского мировоззрения и русской науки

[2022-05-23 НовостиСвета "Пушкин - Очаг русской культуры"//](#)

Мы ведь неслучайно можем многое понять через происхождение слов. Например, деревня связана с деревом, с жизнью среди природы, с укоренённостью. Город – с ограждением, организацией пространства, переходом от родовой общины к более сложной форме совместной жизни и т.д.

В этом смысле показателен и образ Вавилонской башни. Наказанием там становится не разрушение стен, а смешение языков. Люди перестают понимать друг друга, теряют способность действовать совместно и расходятся в разные стороны. Это очень глубокая метафора. Когда слова перестают быть общими, люди начинают терять друг друга. Они могут продолжать строить, производить, двигаться вверх, но уже не вместе, а каждый по отдельности.

Поэтому народнение я рассматриваю как систему взаимосвязанных действий, где нельзя ошибиться в базовых настройках. И первая из них – язык. Его нужно развивать, на нём нужно говорить о будущем, о науке, технологиях, обществе.

Неправильно, когда всё, что связано с будущим, описывается исключительно чужими терминами, начиная от технологии и заканчивая термином «цивилизация». Я это слово пытаюсь избегать, потому что цивилизация изначально закладывает доминирование городской культуры. А во многих макрорегионах она была вторична, особенно у лесных славян, степняков, горцев.

Сейчас это еще острее, ведь латинский претендовал на единый язык именно в рамках построения своей империи. Но сейчас о будущем говорится даже не латинизмами, а чистыми англицизмами. **Английский язык – он же**

исключительно торговый язык. И если мы его используем для общения, то у нас нет будущего, точнее оно не наше. Речь не о борьбе с заимствованиями – сила русского языка как раз в том, что он умеет впитывать и переосмыслять чужое. Речь о другом: язык будущего должен быть нашим.

Если мы хотим восстанавливать демографию, укреплять общество и проектировать завтрашний день, начинать нужно с языка – с возвращения себе права на собственные смыслы и собственные названия будущего.

Поэтому мы предлагаем подход, называемый «народнение».

– Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее. Насколько понимаю, этот подход включает в себя не только количество людей, но и качество?

- Здесь приходится возвращаться к базовой психологии. Человек рождается существом биологическим, но человеком в полном смысле становится только в процессе социализации. Известен феномен так называемых «волчьих детей» – случаев, когда ребёнок по разным причинам выпадал из человеческой среды и выживал среди животных. Интересно, что преимущественно среди волков, как наиболее кооперативных млекопитающих, всего несколько случаев описано среди медведей и приматов.

Такие истории, как правило, показывают одно: без включения в человеческое сообщество личность не формируется в полной мере.

Если у ребенка до трёх лет не происходит первичная социализация – освоение языка, развитие второй сигнальной системы, становление самоидентификации, – то затем восполнить это крайне трудно. Уровень развития «волчьих детей» остаётся на базе бессознательных и условный рефлексов. Именно поэтому решающую роль на первом этапе играет семья. Причём не только родители, но и старшие поколения, ближайшее окружение, горизонтальные связи внутри рода. Не случайно у нас было принято обращение «братья и сестры».

Затем следует второй этап социализации – в детских и учебных коллективах, среди сверстников. Здесь человек учится взаимодействию, правилам совместной жизни, ответственности, соперничеству и сотрудничеству. Если первый этап называется паропубертатным, то второй – пубертатный (подростковым).

Третий этап социализации – вхождение в трудовую жизнь, формирование индивидуальности через дело, профессию, созидательный вклад. И сегодня этот этап часто недооценивают. Нам нередко предлагают относиться к труду как к чему-то вторичному, тогда как именно в труде человек реализует способности и ощущает свою нужность.

Поэтому народнение – это не просто вопрос численности населения. Это восстановление полноценной среды развития личности: сначала семья, затем образование и коллектив сверстников, затем трудовые сообщества и радость созидания.

Если хотя бы одно звено выпадает, система начинает давать сбой. Если же эти элементы работают вместе, общество получает не только прирост населения, но и качество человеческого капитала, устойчивость и способность к развитию.

– Восстановление трёх компонентов – это ведь, по сути, воспитание, от которого мы после развала СССР отказались и которое теперь медленно и с трудом пытаемся вернуть.

– Да, это и есть воспитание. Но не абстрактное и не сводящееся к набору лозунгов. Воспитание происходит через пример, участие и повседневную жизнь в малых и средних группах. Иного механизма человечество пока не придумало.

Устойчивое общество начинается не с отдельного индивида, а с первичных социальных доменов – семьи, домохозяйства, ближайшего круга взаимной ответственности. Именно они становятся фундаментом большой общности.

Когда эти базовые структуры сильны, человек с детства получает опыт доверия, сотрудничества, заботы и совместного труда. На этой основе уже выстраиваются школа, профессиональная среда, гражданская солидарность и государство.

В понятии «народнение» неслучайно присутствует древний корень «род». От рождаемости, родителей и родных – к народу и Родине.

Это не просто игра слов, а указание на естественную логику развития общества: большая общность начинается с прочности малых связей.

«В образовании нужно формировать госзаказ»

– Какой, по-вашему, должна быть система образования в будущей России? К нынешней системе у родителей, детей и даже учителей много претензий...

– Прежде всего нужно понять: стремление ко всеобщему высшему образованию неизбежно повлекло за собой упрощение самого образования. Когда мы спрашиваем родителей, почти половина отвечает, что хочет дать ребёнку высшее образование. Почему? Потому что тогда он станет «большим человеком», начальником, займёт престижное место в обществе. Но мало кто задаётся вопросом: действительно ли стране нужно такое количество управленцев и специалистов с одинаковыми дипломами?

Французский антрополог Эмманюэль Тодд обращал внимание на то, что доля людей с высшим образованием в разных обществах выходит на определённый предел и затем стабилизируется. Речь идёт о той части общества, которая готова к длительным интеллектуальным усилиям, риску, высокой мотивации и постоянному саморазвитию.

Кроме того, сама модель «один раз получил диплом – и этого достаточно на всю жизнь» больше не работает. Для предыдущих поколений образование могло быть завершённым этапом. Сегодня это непрерывный процесс: нужно постоянно учиться, переучиваться, спорить, читать, осваивать новое.

В том, что не всем необходимо именно высшее образование, нет ничего страшного. Люди различаются по способностям, интересам, типу мышления, жизненным стратегиям. Обществу нужны не только управленцы и офисные специалисты, но инженеры, технологи, педагоги, медики, рабочие высокой квалификации, исследователи, люди созидательных профессий.

Поэтому один из ключевых вопросов – государственный заказ на образование. Причём формироваться он должен заранее, ещё на школьном этапе. Если мы понимаем, каким хотим видеть будущее страны, то должны ясно отвечать на вопрос, кто именно нам нужен.

Отсюда и значение профориентации, профотбора, раннего сопровождения выбора. Сегодня подросток в 17 лет нередко принимает первое по-настоящему самостоятельное решение в жизни – выбирает профессию. Но на основании чего? Моды, случайных представлений о доходах, влияния

социальных сетей? Цена такой ошибки слишком высока, и для человека, и для общества.

– Сейчас систему среднего профессионального образования стали восстанавливать, но это сильно не меняет рынок труда - юристов и экономистов переизбыток, а инженеров и сварщиков нехватка.

– В 1990-е годы мы фактически обрушили целый ряд базовых общественных настроек: бесплатное образование, систему реальной подготовки кадров, доступную медицину, социальное жильё. Многие были демонтированы быстрее, чем созданы взамен. В результате возникли серьёзные перекосы в образовании, здравоохранении, общественной безопасности и на рынке труда. До сих пор мы сталкиваемся с последствиями той несбалансированности.

Сейчас же у нас система полностью разбалансирована. Хаотичное коммерциализированное образование, когда непонятно, как дети принимают решения, как определяется набор специальностей, насколько это отвечает вызовам будущего.

Возникает закономерный вопрос: почему общество финансирует подготовку специалиста, а дальше его профессиональная траектория никак не связана с общественным запросом? И наоборот – почему выпускник платной системы образования может приходить в сферу, где критически важны качество и ответственность перед государством и людьми?

Если государство вкладывает ресурсы в подготовку кадров, оно вправе ожидать качества, результата и соответствия стратегическим потребностям страны. Если же речь идёт о сферах, где ключевую роль играет рынок, бизнес должен не только предъявлять спрос, но и участвовать в формировании образовательных программ, брать на себя часть ответственности за подготовку специалистов.

Вопрос не сводится к количеству бюджетных мест или популярности отдельных направлений. Речь идёт о согласовании трёх вещей: интересов человека, потребностей страны и реального запроса рынка труда. Только в этой связке система образования может стать действительно эффективной.

«У России большой потенциал благодаря науке и фантастике»

– Какова роль искусства и науки в создании образа будущего?

– Без них никакого будущего быть не может. Всё начинается с фантазии, мечты, творческого замысла в искусстве, науке, технологиях. Сначала человек способен представить то, чего ещё нет, и только потом воплотить это в реальность.

К сожалению, сегодня самым будущим занимаются недостаточно. Мы много спорим о текущем, обсуждаем тактику, реагируем на кризисы, но редко говорим о социальном будущем как о самостоятельной задаче. Если обратиться к массовой культуре, то значительная часть современной фантастики строится в жанрах антиутопии, постапокалипсиса, киберпанка. Человеку снова и снова предлагают сценарии распада, катастрофы, деградации. Когда позитивных моделей почти нет, общественное воображение начинает работать в сторону разрушения. Люди строят то, что способны представить.

И здесь особенно интересен отечественный опыт.

Советская фантастика во многом была исключением: она предлагала образы созидательного, общего, осмысленного будущего, в котором хотелось жить.

Показательно, что всплески такой литературы часто происходили после тяжёлых исторических потрясений. После Гражданской войны появились сильнейшие произведения Александра Беляева, Владимира Обручева, Алексея Толстого. В послевоенные годы – новая волна: Иван Ефремов, Кир Булычёв, Аркадий и Борис Стругацкие.

То есть даже после тяжелейших испытаний общество рождало не только память о боли, но и энергию мечты. Это важный урок: будущее начинается там, где сохраняется способность воображать лучшее.

– Почему сейчас нет всплеска мысли и мечтаний о светлом будущем? Или это происходит только после катастрофы?

– У России как раз есть большой потенциал. Во многих внешних культурных сценариях сегодня доминирует ощущение безысходности: старение общества, распад связей, кризис морали, страх перед будущим. Это хорошо видно и в кинематографе, и в литературе.

В ряде современных антиутопий будущее изображается как пространство тотального истощения, где человек утрачивает смысл, а общество способность к солидарности. Это симптом культурной усталости.

У нас иной исторический опыт. Русская литература всегда отличалась глубиной психологического анализа, вниманием к внутреннему миру человека, нравственному выбору, состраданию и надежде.

То, что иногда называют «достоевщиной», на самом деле означает способность размышлять о сложном, не упрощая человека до функции или потребителя. А размышление рождает перспективу. Упрощение же почти всегда ведёт к деградации.

Поэтому у России шансов значительно больше. У нас есть, на что опереться. Это народная культура, классическая литература, научная традиция, историческая память, опыт преодоления тяжелейших испытаний.

Недавно меня пригласили в жюри конкурса детских фантастических рассказов. Сначала я отнёсся к этому скептически: показалось, что передо мной набор вторичных сюжетов и внешней «космической» атрибутики. Но затем появились действительно сильные тексты – живые, смелые, с полётом фантазии. И что особенно важно: даже когда авторы поднимали самые острые современные темы, многие сюжеты всё равно приходили к любви, уважению, заботе о ближнем, нравственному выбору. Это означает, что культурный потенциал никуда не исчез. Его нужно замечать, поддерживать и развивать.

– Существует ли у нас такой же потенциал в гуманитарной науке?

– Безусловно. Россия дала миру не только выдающихся писателей и мыслителей, но и великих учёных, причём не только в физико-математической сфере, но и в биологических, гуманитарных и социальных науках. Достаточно вспомнить Ивана Павлова, размышляя о природе поведения и высшей нервной деятельности; Владимира Вернадского, говоря о ноосфере; Владимира Бехтерева, исследовавшего механизмы поведения больших социальных групп.

Возьмём, к примеру, Николая Трубецкого. Потеряв после революции прежний социальный статус и привычный мир, он сохранил главное – интеллектуальную традицию. Уже в Софийском университете в возрасте тридцати лет Трубецкой написал труд «Европа и человечество», ставший одной из отправных точек евразийской мысли.

В этой работе он критиковал евроцентризм и развивал идею самобытности различных народов и культурных миров. Позднее схожие мотивы звучали у Питирима Сорокина с его концепцией культурных суперсистем, у Льва Гумилёва с идеей суперэтнотосов.

По сути, речь шла об одном и том же: человечество не сводится к единому шаблону, разные народы развиваются по собственным траекториям.

В 1990-е годы нам во многом навязывалась мысль, что существует лишь одна универсальная модель развития. Но реальный мир сложнее. Он многообразен, и именно в этом его устойчивость. Нам не нужно бояться сложных разговоров и различий между обществами. Напротив, как только мы признаём многообразие человеческого опыта, появляется возможность для более зрелого и качественного объединения – не через унификацию, а через уважение к различиям.

– Проблема в том, что людей уже приучили к простому. Взять даже нашу беседу – ведь редкая птица дочитает её даже до середины.

– Объективно такая тенденция есть. Но, во-первых, это не повод упрощать разговор до предела. Напротив, нужно учиться говорить о сложном понятно, ясно и увлекательно. Не так, чтобы текст механически пролистывался, а так, чтобы его было интересно читать тем, кто хочет думать.

Во-вторых, в социальной психологии есть важный вопрос: какое количество людей необходимо, чтобы изменить направление развития всей системы? Обязательно ли для этого большинство?

– Возможно, чуть больше половины? Как говорится, контрольный пакет?

– В психологии существует немало экспериментов на групповую динамику и формирование коллективного мнения. Один из простейших сценариев выглядит так: участникам в парах показывают фотографию незнакомого человека и просят назвать его имя. Затем пары меняются, задание повторяется, и так несколько раундов подряд. Постепенно группа начинает стихийно приходить к общему варианту – наиболее часто звучащее имя закрепляется как «правильное».

Но особенно интересно другое: чтобы изменить складывающийся консенсус, не всегда нужно большинство. Достаточно сравнительно небольшой, но настойчивой группы примерно 25%, которая

последовательно предлагает альтернативную версию. Через некоторое время именно она способна изменить мнение остальных.

Я к чему это говорю: для серьёзных изменений в обществе не всегда необходимо ждать 50% поддержки. Часто решающую роль играет активное и ответственное меньшинство – 10% людей,, которые понимают направление движения и готовы последовательно его отстаивать.

Если в обществе есть такая доля думающих, созидательно настроенных людей, это уже мощный ресурс развития. Важно лишь, чтобы они предлагали собственные смыслы, а не жили за счёт чужих шаблонов.

Беседовал обозреватель АЦ ТАСС Эдуард Биров

НС: вот «предлагали собственные смыслы, а не жили за счёт чужих шаблонов» это ключевое. Об этом наша // [технология жизне-речения](#)//, суть которой в раскрытии творческого потенциала каждым и создание творческих плодов своими талантами на благо всех.

"Тот, кто видит механику конструирования смыслов, перестаёт быть их заложником и труднее поддаётся манипуляции. Это есть путь к подлинной свободе. Человек начинает более ясно видеть и осознавать, что реальность во многом собрана из интерпретаций, и можно выбирать, каким смыслом следовать, а каким нет. Не принимать их все, как данность для себя. В этом и есть акт самоопределения - стать не пассивным носителем чужих идей, а автором собственного взгляда на мир."

[Инсайт чат](#)

«Русский язык в умелых руках и в опытных устах — красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен. Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью»

Александр Иванович Куприн

«Прошлое принадлежит смерти, а тебе — будущее». Берите его, пока оно ещё ваше, и думайте не о том, что вы когда-то давно сделали дурного, а о том хорошем, что вы ещё можете сделать»

Этель Лилиан Войнич

"Все ответы находятся в тебе. Ты знаешь больше, чем написано в книгах. Но чтобы вспомнить это — нужно читать книги, смотреть в себя, слушать себя и доверять себе."

Лев Толстой [Инсайт чат](#)

"Нет ничего, что в большей степени могло бы привлечь внимание человека и заслужило бы быть предметом изучения, чем природа. Понять её огромный механизм, открыть её созидательные силы и познать законы, управляющие ею — величайшая цель человеческого разума."

Никола Тесла [Инсайт чат](#)

«В госрегулировании платформенной экономики, убеждён А. Аузан, надо предполагать и перспективу широкого применения в её практике ИИ. Однако «технологии должны быть направлены не на замещение человека, а на расширение его возможностей. А это возможно при одном условии: если человек согласен меняться», сказал собеседник АЦ ТАСС, добавив:

«Человечеству предлагается целиком уйти на пенсию на следующей фазе развития искусственного интеллекта. Я человек пенсионного возраста, но я не согласен ни сам уходить на пенсию, ни чтобы человечество (так поступило). Как я говорил на одной из секций ПМЭФ, нам нужно прийти к партнёрству искусственного интеллекта и интеллекта естественного. Нам нужен сильный естественный интеллект, который будет, на мой взгляд,

базироваться на том, что мы вспомним, что кроме левого полушария (мозга) у нас есть ещё и правое полушарие. По функциям левого полушария, то есть по анализу, искусственный интеллект уже обыграл нас. Но есть правое полушарие, а это интуиция, эмпатия, воображение. И, скорее всего, человеку стоит развернуться в эту сторону».

И тогда симбиоз, партнёрство, взаимодействие естественного и искусственного интеллекта пойдут на пользу человечеству, в том числе и в деле развития платформенной экономики, резюмировал российский экономист».

[Александр Аузан: развитие платформенной экономики — коренной поворот в череде промышленных революций](#)

"Веры Западу больше никогда не будет": Лавров

7/Сен/26 *Muslim Politic*

Министр иностранных дел России Сергей Лавров констатировал, что веры Западу уже никогда не будет.

"Не будет никогда веры Западу, который и раньше врал нам, и сейчас врет. И наша попытка все-таки дать шанс какой-то этим западным коллегам окончательно убедила нас, что мы сейчас на единственно правильном пути", - сказал министр.

«А ведь это главный цивилизационный вызов для русского мира: научиться решать все задачи, сберегая и приумножая население, а не за его счёт. У

других цивилизаций, это пока даже не первоочередная задача.»

Триптих русской цивилизации